

странах, где наука стоит на большой высоте, есть немало замечательных ученых, которым человечество обязано многими великими открытиями. Однако они работают не благодаря, а вопреки режиму. Наука там не стала всенародным делом, она там — не всеобщая любимица, как у нас, в ми-

ре социализма. Если ею и интересуются люди рядовые, то скорее со стороны всевозможных сенсаций. Пропаганда же там использует науку главным образом как орудие страха перед будущим, страха перед коммунизмом.

Борис Агапов

Это было в Праге

Ян Отченашек. Ромео, Джульетта и тьма. Перевод с чешского В. Петровой. Предисловие И. Зузанека. Москва, «Молодая гвардия», 1960 г. 122 стр.

Маленькую повесть «Ромео, Джульетта и тьма» талантливого чешского писателя Яна Отченашека читаешь не отрываясь. Да она и написана как будто бы на одном дыхании, вся, как песня о трагической любви двух юных сердец, о любви, которая сверкнула в непроглядной тьме, окутавшей в годы второй мировой войны многие европейские страны и города. Несложен сюжет этой повести. Трагична судьба героев. Чешский юноша, почти мальчик, встретился в оккупированной немцами Праге с еврейской девушкой по имени Эстер, спас ее от смерти и полюбил. Но тьма все-таки поглотила ее. Вот, собственно, и все. Печальная история современных Ромео и Джульетты, подстерегаемых со всех сторон фашистскими оккупантами и их соглядатаями.

Единственное убежище Павла и Эстер — тесная комната-коробка в старом пражском доме. Пять шагов туда и пять обратно. Но и оно ненадежно. Разве можно за этими стенами укрыться от тьмы? Укрыться, не слышать хриплых выкриков, долетающих с улицы, свистков, пьяной ругани и угроз, беспорядочных выстрелов, плача детей, разбуженных среди ночи, топота кованых сапог. И в комнатку Павла, из тьмы на свет, уже заглядывают через мутные стекла чьи-то подстерегающие глаза, чья-

то не знающая жалости рука рисует мелом на дверях каморки шестиконечную звезду. В конце концов гонимая страхом Эстер сама бежит из своего убежища на улицу, прямо под пули фашистских патрулей. Она предпочитает погибнуть, чтобы не подвергать смертельной опасности любимого человека.

Все это случилось в разгар войны. Шел 1942 год, когда Павел привел в каморку на окраине Праги спасенную им девушку. В том же году и почти в то же самое время на другом конце Европы 13-летняя Анна Франк поднялась в «убежище» на чердаке амстердамского дома, где голландцы целых двадцать пять месяцев скрывали и все-таки не смогли спасти семью Франк от гестаповских ищеек.

Мне вспоминается печальный и суровый рассказ русского советского писателя Валентина Катаева «Отче наш» о том, как еще в одном уголке мира, в оккупированной Одессе, блуждала по улицам города молодая женщина, ведя за руку усталого, замерзшего ребенка. Стоял жестокий мороз, небывалый даже для северных городов и тем более для Одессы. Но женщине с ребенком нельзя было возвращаться домой. Она кружила по городу, избегая наиболее людных улиц, совсем как Эстер, надеясь уйти, укрыться, чудом вырваться из

кольца облаты. Это маленький рассказ, всего несколько страничек. Но его трагические краски так густы, так правдивы, что для меня он стоит в ряду самых сильных произведений о минувшей войне.

В те годы мы еще не знали во всех подробностях, какие трагедии разыгрывались в занятых гитлеровцами странах — за колочей проволокой концлагерей, в потаенных каморках, где заживо замуровывали себя преследуемые фашизмом люди. Будущее целых народов решалось тогда на Волге — у стен Сталинграда, в предгорьях Кавказа, в битвах за Украину. О трагических судьбах жертв фашизма рассказали после войны не только те, кто вышли живыми из лагерей смерти, из погребов и подвалов, но и те, кто были сожжены в печах крематориев, расстреляны и замурованы гестаповцами. Это от их имени говорят сегодня книги многих писателей мира.

Как ни различны произведения, о которых я вспомнил, читая повесть Яна Отченашека, есть между ними и нечто общее. Рассказывают ли они о трагедии матери, преследуемой фашистами, о детях, которых война лишила детства, о бедных влюбленных, разлученных тьмой, — их объединяет одна простая и ве-

ликая мысль: люди рождаются для того, чтобы жить и быть счастливыми, и любить, и видеть синее небо и звезды, и слушать пение птиц и звонкий смех детей. А если всего этого нет? Если дышать стало нечем и всюду тьма — зачем тогда жить, думает Павел.

Разными путями приходят люди в ряды борцов с фашизмом. Павла возвышает любовь к Эстер. Она делает его душевно богаче. Она внушает ему чувство человеческого достоинства, и гневный протест против расизма, и страстную жажду борьбы. «Вокруг была тьма, но свет был в нем. В лучах этого света он казался себе сильным. Прежний Павел, который не знал Эстер, заурядный, ничем не примечательный юнец, вызывал в нем жалость». Испытывает ли страх этот 16-летний мальчик? Да, конечно. «Только камни ничего не боятся, — говорит Эстер. — Они неживые». Но любовь и тревога за судьбу любимого человека помогают Павлу победить страх.

И не только Павел стано-

вится решительней, тверже. Ему тайно сочувствует отец, который дрожал за свою жизнь, за свою портновскую мастерскую и Павлу внушал, что «в такие времена осторожность не повредит». Помогает Эстер и портновский подмастерье Чепек. Что могут сделать эти люди? Пока еще очень немного. Они робки, неопытны. Но придет время, они будут готовы и на большее.

А что станет с Павлом после гибели Эстер? Найдет ли он в себе силы жить и бороться? Писатель как будто отвечает на этот вопрос утвердительно. В душе героя повести закладываются основы нового отношения к жизни, нового поведения. И дело здесь не в судьбе одного только Павла.

Для нас, читателей, эта лаконично написанная повесть дорога своим страстным протестом против фашистского изуверства, против войны. Вот почему и через шестнадцать лет после окончания войны она звучит так остро и актуально.

Б. Галанов

Прозревающие во тьме

Norman Lewis. *Darkness visible.*
London, Pape. 1960.

Седьмой год продолжается «грязная война» в Алжире. Седьмой год официальная французская печать правого толка кричит об «охранительной миссии» солдат Иностранного легиона, о защите ими французских поселенцев в стране. Седьмой год передовые люди Франции и всего мира требуют от французского правительства прекращения алжирской авантюры и предоставления независимости бывшей колонии.

О «грязной войне» в Алжире писали многие видные литераторы Франции. Однако проблема эта настолько важна и актуальна, что к ней начинают обращаться художники слова и других стран. Алжирскому вопросу посвятил свой последний ро-

ман «Зримая тьма» английский писатель Норман Льюис.

Поисковая партия смешанной американско-европейской компании обнаруживает в Алжире крупное месторождение нефти и начинает его разработку. В это время члены полуфашистской организации зверски убивают переселенца итальянца и его семью. Виновники остаются неизвестными, а правые газеты охотно сваливают всю ответственность за преступление на арабских националистов.

Толпа линчевателей, состоящая из фашистских молодчиков и «беззащитных» белых поселенцев, пытается учинить резню в арабском городе Эль-Миля, поджигает арабские кварталы и совершает нападение на ла-

герь нефтяников с целью уничтожить рабочих-арабов. Только бдительность и решительные действия служащих разработок помешали погромщикам осуществить свои замыслы. Таков сюжет «Зримой тьмы».

Страна сегрегации, страна нищеты, страна, требующая свободы, — таким показан Алжир в романе.

В Эль-Миля имеется район европейский и район, где живут «цветные», кафе для белых и кафе для арабов, больницы для белых и больницы для местного населения. За городом расположен лагерь, где за колючей проволокой медленно умирают от голода арабские дети, старики, женщины, которых пригнали сюда из разоренных районов. С удивительной силой и выразительностью написаны страницы, повествующие о бесчинствах и глумлении «цивилизованных варваров» над местными жителями. Писатель без обиняков говорит о том, что самые разнузданные проявления расизма со стороны французов, убийства и погромы происходят при явном попустительстве официальных властей. Так, например, власти даже «не слышали» о нападении линчевателей на нефтяной городок: начальник гарнизона находился далеко, шеф полиции «болел», а губернатор был «в отпуске». Таким образом, ни о каком наказании виновных не может быть и речи.

Льюис рассказывает читателю об арабских женщинах, пешком отправляющихся за город, чтобы обработать клочки земли «величиной с носовой платок»; проводит его по узким улочкам арабского гетто с их грязью, скученностью, зловонием и старым тряпьем; заставляет заглянуть в арабскую «больницу» — гнусную клоаку, где пациенты, которых врач не решает и не смеет называть людьми, погибают в собственных нечистотах на земляном полу.

Вот разговор двух солдат-фонов из Иностранного легиона, цинично смакующих воспоминания о насилиях